

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.0111'367

БАЗИСНЫЕ ЕДИНИЦЫ КОНСТРУКТИВНОГО СИНТАКСИСА

И. И. Прибыток

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: ipribytok@mail.ru

В статье предлагается новая типология английских элементарных синтаксических единиц, используемых для объективации коммуникативных актов; прослеживается степень ее применимости к синтаксической системе русского языка.

Ключевые слова: базисная (элементарная) синтаксическая единица, предложение, сентенсоид, репрезентант предложения, коммуникатив.

Basic Units of Formal Syntax

I. I. Pribytok

The paper offers a new typology of English basic syntactic units that take part in realizing communicative acts and traces its applicability to a study of Russian basic syntactic units.

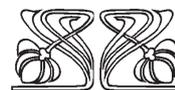
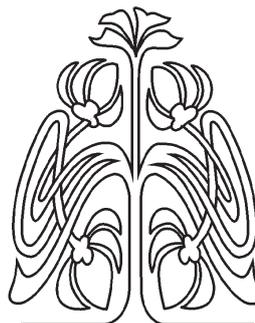
Key words: basic (elementary) syntactic unit, sentence, sentencoid, sentence representative, communicative.

Данная статья посвящена изучению элементарных синтаксических единиц конструктивного синтаксиса, которые принимают непосредственное участие в реализации коммуникативной функции.

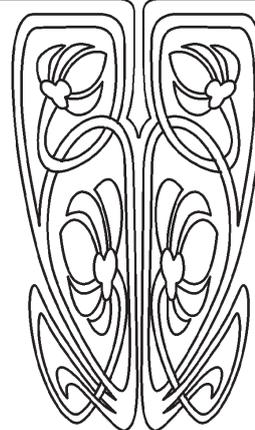
В течение длительного времени предложение рассматривалось в качестве единственной единицы конструктивного синтаксиса, непосредственно реализующей коммуникативные акты. Поскольку анализировались в основном письменные тексты, границы предложения обычно определялись графически. Как предложение квалифицировался любой отрезок текста, находящийся между заглавной буквой и конечным знаком пунктуации. Разумеется, грамматисты не могли не видеть структурной разнородности единиц, встречающихся между заглавной буквой и конечным знаком пунктуации, особенно в диалогической речи. Ср.:

- *We need people.*
- *To fight your wars.*
- *Bill!*
- *It's all right, Susan. We'll talk on his terms now. We can't escape.*
- *Excellent. Really, you've both been incredibly romantic, running away from your responsibilities.*
- *Running away from horror.*
- *Nonsense. Only a war* (R. Bradbury).
- ***
- *There is one person I must tell, though.*
- *Who?*
- *David Middleton.*
- *Why?*
- *I think he's entitled to know how his brother died* (K. Follett).

Вследствие этого наряду с родовым термином «предложение» фигурировали такие видовые термины, как «неполное предложение», «слово-предложение» и др. Возникает вопрос, почему грамматисты оперировали одним термином «предложение» для обозначения структурно столь разнородных единиц. По-видимому, они руководствовались

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

тем, что все эти синтаксические единицы успешно справляются с коммуникативной функцией в процессе общения.

Мы солидарны с Д. Кристаллом, который полагает: «... what constitutes a sentence and what does not is to a great extent a matter of definition»¹. Если единственным определяющим предложением признаком считать факт его коммуникативного функционирования², то любую синтаксическую единицу, актуализирующую коммуникативный акт, можно квалифицировать как предложение.

На наш взгляд, коммуникативная функция не является дистинктивным признаком предложения, поскольку она свойственна также единице больше чем предложение – сверхфразовому единству, и языку в целом. Но, что самое главное, не существует бесформенных коммуникативных сущностей.

В качестве формальной характеристики элементарных синтаксических единиц, служащих целям реализации коммуникативной функции, рассматриваем предикативность, которая актуализируется в морфологических категориях модальности и темпоральности, а также в морфологической, лексической или ономазиологической категории персональности. В соответствии со способом объективации предикативности предлагаем разграничивать в английском языке три элементарные синтаксические единицы:

- предложение,
- сентенсоид,
- репрезентант предложения.

Предложение и сентенсоид в предикативном плане образуют привативную оппозицию: предложение характеризуется наличием автономной эксплицитной предикативности, сентенсоид – ее отсутствием. Сигналом автономности эксплицитной предикативности является отсутствие в зачине синтаксической единицы подчинительных скреп, то есть подчинительных союзов или подчинительных союзных слов. Морфологические маркеры модальности и темпоральности в английском предложении сосредоточены в глагольном компоненте предикативности. Ср.:

William laughed (J. Archer) – реальная модальность, прошедшее время;

If you could put in a word. – I'll do more than that (K. Follett) – нереальная модальность.

Морфологический маркер персональности в аналитическом английском языке содержится в глагольном компоненте только в сфере третьего лица единственного числа настоящего времени:

He lives in New York (S. Sheldon).

Во всех остальных случаях маркер персональности в аналитическом английском языке заключен в именном компоненте предикативности. Если именной компонент предикативности выражен личным местоимением, перед нами лексический маркер персональности. Если именной компонент предикативности выражен существительным или каким-либо местоимением, не имеющим катего-

рии лица, говорят об ономазиологическом маркере персональности, так как существительные и субстантивные местоимения (все, за исключением личных) в ономазиологическом плане всегда соотносятся с третьим лицом³. Ср.:

He lowered his voice (K. Follett) – лексический маркер третьего лица;

The nursery was silent (R. Bradbury) – ономазиологический маркер третьего лица.

Следует отметить интересную особенность, которая наблюдается в английской разговорной речи. В результате фонетической редукции служебная часть глагольного компонента предикативности часто присоединяется к именному компоненту с помощью знака апострофа. Ср.:

You're just being childish. – I'm being sensible (I. Asimov).

Возникает вопрос: можно ли говорить, что в таких случаях именной компонент предикативности оказывается носителем всех предикативных категорий, подобно глагольному компоненту в русском языке? На наш взгляд, нет. Дело в том, что редуцированный служебный глагол, даже превращаясь в квазиклитнику⁴, сохраняет морфологические свойства глагола и не может выступать в качестве словоизменительного форманта имени. Как в полной, так и в редуцированной форме служебный глагол используется для образования новой формы глагола, а не имени. Иными словами, в английских предложениях с редуцированной формой служебного глагола в реализации предикативности также участвуют оба компонента предикативности.

Сентенсоиды, в отличие от предложений, лишены автономной эксплицитной предикативности. Последнее, однако, не означает, что сентенсоиды вообще не имеют предикативности. Представляется возможным выделить по крайней мере три предикативных типа сентенсоидов в английском языке:

- с зависимой эксплицитной предикативностью,
- с частично эксплицитной предикативностью,
- с имплицитной предикативностью.

Сентенсоиды с зависимой эксплицитной предикативностью отличаются от предложений только в одном аспекте: они содержат сигнал зависимой включенности в более крупное языковое построение, а именно подчинительный союз или подчинительное союзное слово. Особенно часто сентенсоиды с зависимой эксплицитной предикативностью в английском языке вводятся союзом *because*:

Why can't I choose the lawyer he names? – Because I wouldn't trust him (R. Stout).

Сентенсоиды с частично эксплицитной предикативностью содержат недвусмысленный маркер предикативной категории персональности (лексический или ономазиологический). Что касается предикативных категорий модальности и

темпоральности, то они в сентенсоидах с частично эксплицитной предикативностью выявляются только из конситуации.

В классе сентенсоидов с частично эксплицитной предикативностью можно выделить два подкласса – двухкомпонентные и однокомпонентные сентенсоиды. Двухкомпонентные сентенсоиды с частично эксплицитной предикативностью в английском языке обычно используются адресантом для того, чтобы выяснить, насколько правильно его предположение:

You the manager? – *Yes, I am* (J. Archer);

You ever see her before? – *No* (I. Shaw).

Употребление двухкомпонентных сентенсоидов с частично эксплицитной предикативностью для сообщения информации и запроса неизвестной адресанту информации возможно, но нехарактерно для английского языка. Ср.:

Beautiful girl lying lifeless in the snow (A. Christie);

What you doing, Nick? – *I'm a bond man* (F. S. Fitzgerald).

Однокомпонентные сентенсоиды с частично эксплицитной предикативностью – это преимущественно назывные единицы и ответы на вопросы к подлежащему. Ср.:

A bright, sunny day after a heavy frost (St. Rudd);

Who lived here before that? – *An awful old man* (H. E. Bates).

Сентенсоиды с имплицитной предикативностью не содержат ни одного маркера предикативных категорий. Значения модальности, темпоральности и персональности в них эксплицируются из конситуации. Ср.:

When did you visit this house last? – *Last March* (D. Francis) – реальная модальность, прошедшее время, первое лицо;

Where is he? – *In his room with Saul and Fred* (R. Stout) – реальная модальность, настоящее время, третье лицо.

Поскольку сентенсоиды лишены автономной эксплицитной предикативности, можно было ожидать, что степень их зависимости от конситуации будет выше, чем у предложений. Оказалось, что сентенсоиды гетерогенны не только в плане присущей им предикативности, но и в плане коммуникативной самодостаточности. Как показал анализ фактического материала, большей коммуникативной свободе английского сентенсоида способствуют следующие факторы:

– отнесенность заключенного в нем содержания к плану настоящего;

– наличие в составе сентенсоида обоих компонентов предикативности – именного и глагольного;

– назывной характер сентенсоида;

– наличие в сентенсоиде недвусмысленных лексических или структурных маркеров их прагматической функции. Например, слово *please* свидетельствует о волитивной (реквестивной), инициальное местоимение *any (thing/body/one)* – о

волитивной (вопросительной), а восклицательные слова *what* и *how* – об экспрессивной функции включающих их сентенсоидов, что делает подобные сентенсоиды коммуникативно самодостаточными даже в изоляции от конситуации. Ср.:

Just a coke, please (J. Archer);

Any questions? – *Not now* (R. Stout);

What a nice idea (J. Archer).

Репрезентант предложения, как и предложение, содержит автономную эксплицитную предикативность:

You mean that? – *I do* (R. Stout) – реальная модальность, настоящее время, первое лицо.

При выделении репрезентантов в особую группу элементарных синтаксических единиц мы руководствовались следующим. В предложении глагольный компонент предикативности, включающий в себя знаменательный глагол, характеризует именной компонент предикативности как в структурном, так и в смысловом отношении, что делает предложение по крайней мере относительно коммуникативно самодостаточным даже вне конситуации. В репрезентанте предложения глагольный компонент предикативности представлен не знаменательным, а служебным глаголом⁵, который характеризует именной компонент предикативности только в структурном отношении, а именно в плане предикативных категорий модальности, темпоральности (иногда и персональности). Ввиду того что именной компонент в репрезентанте в большинстве случаев объективируется с помощью дейктического элемента (обычно личного местоимения), репрезентант обретает смысловую определенность только в конситуации. Иными словами, в коммуникативном плане репрезентанты даже менее самостоятельны, чем сентенсоиды, поскольку сентенсоиды, состоящие исключительно из дейктических элементов, представлены единичными примерами:

Who's there? – *Me* (M. Swan).

По мнению английских грамматистов, сентенсоиды и репрезентанты представляют собой предложения, правда, неполные⁶.

Если придерживаться чисто коммуникативного определения предложения, то сентенсоиды и репрезентанты можно рассматривать как предложения. Однако бесформенных коммуникативных сущностей не существует. Что касается формы, то сентенсоиды и репрезентанты явно отличаются от предложений. Но вот можно ли квалифицировать их как неполные предложения? На наш взгляд, нет. Возникает вопрос: почему? Ведь они допускают восполнение до логически совершенной структуры предложения. Ср.:

That too early for you? → *Is that too early for you?* (D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan);

You said by Monday last time. – *Did I?* (→ *Did I say by Monday last time?*) *Well I lied* (D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan).

Во-первых, процесс восстановления якобы опущенных элементов может быть субъективным.

Во-вторых, сентенсоиды и репрезентанты воспринимаются как структурно неполные синтаксические единицы только в письменной речи. Однако основная сфера использования сентенсоидов и репрезентантов – не письменная, а устная диалогическая речь. В устной диалогической речи, протекающей в условиях непосредственного общения, общность ситуации и фоновых знаний делает сентенсоиды и репрезентанты такими же полноценными синтаксическими единицами, как и конвенциональные предложения.

Иными словами, сентенсоиды и репрезентанты представляют собой, по крайней мере в аналитическом английском языке, специфические элементарные синтаксические единицы, которые в процессе анализа можно сравнивать с предложениями, но не следует рассматривать как в некотором роде «дефектные» предложения.

Базисные элементарные синтаксические единицы могут быть не только предикативными (предложения, сентенсоиды, репрезентанты предложений), но и непредикативными. Непредикативные элементарные синтаксические единицы обычно называют коммуникативами⁷. Коммуникативы представляют собой непосредственную реакцию на некую ситуацию в целом, а не на отдельный ее компонент и характеризуются смысловой, коммуникативной и синтаксической нерасчлененностью⁸. Типичными коммуникативами являются однословные единицы:

She was confused. Nervous. Dumb. – Bosh. Why doesn't she admit it? – Scared (R. Stout).

Двухсловные и многословные построения рассматриваются нами как коммуникативы в двух случаях:

- если сателлиты ядерного компонента выполняют служебную акцентирующую функцию:

Tonio Silva knew her friend April, but Tonio has gone back to South America and I can't find April. – How mysterious (K. Follett);

- если в результате сращения с определенной ситуацией компоненты коммуникатива теряют смысловую, коммуникативную и синтаксическую самостоятельность и воспринимаются как единое, нечленимое целое:

I know Jerry. If you want to bring him in, that's fine. – Thank you (S. Sheldon).

На заключительном этапе исследования мы решили посмотреть, характерны ли выделенные типы предикативных и непредикативных элементарных синтаксических единиц только для английского языка. С этой целью мы обратились к материалу флективного русского языка.

В сфере предложений различия минимальны. Первое различие касается структурных типов предложений. Поскольку предикативная категория персональности в аналитическом английском языке обычно эксплицируется в именном компоненте предикативности, а предикативные

категории модальности и персональности – в глагольном компоненте предикативности, большинство английских предложений относится к числу двусоставных. Бесспорно односоставными в английском языке являются лишь побудительные предложения с глаголом-сказуемым в повелительном наклонении:

Don't talk so much! (H. E. Bates).

Русские односоставные предложения значительно более разнообразны. Они включают неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, номинативные, инфинитивные и другие типы предложений⁹. В английском языке соответствующие значения передаются двусоставными предложениями с именным компонентом – личным местоимением *you, they* или *it*, – которые в определенных контекстах обретают смысл, свойственные русским односоставным неопределенно-личным, обобщенно-личным и безличным предложениям. Ср.:

You cannot learn a language in six weeks (M. Swan) – Язык невозможно выучить за шесть недель;

They don't like strangers round here (M. Swan) – Здесь не любят иностранцев;

It's really cold today (M. Vince, P. Emmerson) – Сегодня действительно холодно.

Второе различие касается формы выражения предикативных категорий модальности и темпоральности. В разговорной речи аналитического английского языка предикативные категории модальности и темпоральности нередко выражаются в форме квазиклитики 's. Для флективного русского языка это явление нехарактерно вследствие минимального количества аналитических форм в сфере глагола.

В сфере репрезентантов английский язык радикально отличается от русского. Глагольный компонент репрезентанта предложения всегда содержит служебный глагол, который репрезентирует ту или иную аналитическую глагольную форму и относящиеся к ней слова. Русский язык относится к числу флективных языков, в которых число аналитических глагольных форм крайне ограничено. Поэтому для выделения репрезентантов в особый класс элементарных синтаксических единиц в русском языке, по-видимому, нет оснований.

Что касается сентенсоидов, то они зарегистрированы в обоих языках. Однако одни структурные типы сентенсоидов характерны для обоих языков, другие – только для английского. Так, выделенные на материале английского языка сентенсоиды с зависимой эксплицитной и имплицитной предикативностью часто встречаются и в русском языке. Ср.:

Почему ты опоздал? – Потому что я попал в пробку на улице Чапаева;

Куда ты идешь? – В библиотеку.

Двухкомпонентные конструкции с частично эксплицитной предикативностью типа «Ты го-

тов?» и однокомпонентные назывные конструкции типа «Зима» не могут быть квалифицированы как сентенсоиды в русском языке, так как они употребляются исключительно в сфере настоящего времени реальной модальности, где отсутствие глагола для русского языка является нормой.

В принципе, использование английских двухкомпонентных безглагольных конструкций также ограничено сферой настоящего времени реальной модальности. Однако в английском языке, наряду с двухкомпонентными безглагольными конструкциями, употребляемыми преимущественно в разговорной речи, существуют стилистически нейтральные глагольные конструкции. Ср.:

You the manager? (J. Archer) → *Are you the manager?*

Однокомпонентные назывные конструкции, описывающие ситуацию в сфере настоящего, как в русском, так и в английском языке существуют только в безглагольном варианте и являются относительно коммуникативно самодостаточными. Однако в английском языке назывные конструкции употребляются настолько редко (исключение составляют тексты, воспроизводящие поток сознания персонажей), что мы отказали им в предложенческом статусе, ибо предложение для нас – это стилистически немаркированная синтаксическая единица, характеризующаяся наивысшей частотой употребления среди других синтаксических единиц. Поскольку в русском языке назывные безглагольные конструкции значительно более частотны и не «привязаны» к какой-либо одной сфере общения, они могут быть квалифицированы как односоставные предложения. Присутствие эксплицитных маркеров предикативных категорий модальности и темпоральности в русских назывных предложениях, по всей видимости, избыточно, так как они всегда объективируют реальную модальность и настоящее время.

Ввиду того что понятие структуры в традиционном понимании нерелевантно для коммуникативов, представляется возможным выдвинуть гипотезу об их универсальности как синтаксических единиц. Языковое своеобразие коммуникативов, на наш взгляд, может проявляться только в характере лексемного заполнения «окостеневших» синтаксических позиций.

Итак, для реализации коммуникативной функции в английском языке используются как непредикативные, так и предикативные элементарные синтаксические единицы. Элементарные синтаксические единицы являются базисными единицами конструктивного синтаксиса. Они

минимальны по объему. Элементарная непредикативная синтаксическая единица не может включать более одного коммуникатива, а элементарная предикативная синтаксическая единица – более одной первичной предикативности. В зависимости от характера присущей синтаксической единице первичной предикативности разграничиваем три вида элементарных предикативных синтаксических единиц: предложения, сентенсоиды и репрезентанты предложений.

Наибольшую универсальность в плане конструктивного синтаксиса демонстрируют структурно недискретные непредикативные элементарные синтаксические единицы. Предикативные элементарные синтаксические единицы более чувствительны к типологическому типу языка. Так, предикативный и коммуникативный потенциал глагольного компонента предикативности в целом ряде случаев определяет лингвистический статус элементарной синтаксической единицы.

Примечания

- ¹ Crystal D. *Linguistics*. Harmondsworth, 1977. P. 200.
- ² См.: Gardiner A. *The Theory of Speech and Language*. Oxford, 1969. P. 210; Скребнев Ю. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985. С. 89.
- ³ См.: Кривченко Е. *Очерки по ономазиологии*. Саратов, 1989. С. 52–54.
- ⁴ См.: Мельчук И. *Курс общей морфологии*. М.; Вена, 1997. С. 215–216.
- ⁵ См.: Яшина Е. Репрезентанты английских предложений и клауз : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2004. С. 3.
- ⁶ См.: Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S. *Longman Grammar of Spoken and Written English*. Harlow, 2000. P. 1104–1108.
- ⁷ См.: *Русская разговорная речь : Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. М., 1983. С. 92–93; Андреева С. *Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи*. Саратов, 2005. С. 40.
- ⁸ См.: Славуцкая О. Релятивы в современном английском языке // *Вестн. Киев. ун-та*. 1986. Вып. 20 : Романогерманская филология. С. 39; Курносова Н. *Функционально-семантическое поле коммуникативов в русском языке // Материалы научно-методической конференции «Вопросы совершенствования обучения (иностранному) языку как средству межнационального общения»*. Харьков, 1991. С. 44; Long R. B. *The Sentence and its Parts*. Chicago, 1962. P. 45.
- ⁹ См.: *Русская грамматика : в 2 т.* М., 1980. Т. 2 : Синтаксис.